

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.5>

УДК 314.335.7, 338.22.01

JEL J11, J24, E61

Ю. В. Латов ^{а)}, Н. В. Латова ^{б)}

^{а)} Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация

^{б)} Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

^{а)} <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>, e-mail: latov@mail.ru

^{б)} <https://orcid.org/0000-0001-9315-2588>

СКРЫТАЯ ДИЛЕММА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ¹

В современной официальной российской демографической политике, провозглашающей «сбережение и приумножение народа», сосуществуют два качественно разных подхода к пониманию этой задачи. Чаще всего делается акцент на стимулировании количества рождающихся детей, хотя есть и понимание важности стимулирования качества их воспитания и обучения. Цель статьи — доказать, что если направленность на повышение человеческого капитала экономически обоснована, то стремление повысить рождаемость такого обоснования не имеет. Методика доказательства основана на применении к анализу демографической политики ряда теоретических концептов на стыке демографической, экономической и социологической теорий. Прежде всего, это — разработанная в прошлом веке теория демографического перехода, доказывающая неизбежность падения рождаемости в обществе модерна. В основе применяемой в России политики материального стимулирования рождаемости лежит убеждение, будто детей, родившихся в бедных и неблагополучных семьях, можно будет потом «пропустить» через систему образования и получить квалифицированных работников. Поэтому система материального стимулирования рождаемости построена так, что, в соответствии с законом убывающей предельной полезности, создает более сильные стимулы для более бедных семей и потому объективно направлена на рост рождаемости в первую очередь в бедных слоях, слабо влияя на семьи среднего класса. Между тем современные теории социального капитала и сигналов на рынке труда доказывают ограниченные возможности школ и вузов играть роль социальных лифтов. Предлагается отказаться от политики стимулирования рождаемости по принципу «числом поболее, ценою подешевле» и перейти к политике стимулирования рождаемости главным образом в семьях среднего класса по принципу «лучше меньше, да лучше». Тем самым ориентация на естественный прирост населения заменяется ориентацией на рост национального человеческого капитала.

Ключевые слова: семейные домохозяйства, государственное регулирование, демографическая политика, демографический переход, бедность, средний класс, человеческий капитал

Благодарность

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

Для цитирования: Латов Ю. В., Латова Н. В. Скрытая дилемма российской социально-экономической политики стимулирования рождаемости // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 3. С. 389-402. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.5>.

¹ © Латов Ю. В., Латова Н. В. Текст. 2021.

Yury V. Latov ^{a)}, Natalia V. Latova ^{b)}^{a)} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation^{b)} Institute of Sociology of the Federal Scientific Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russian Federation^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192>, e-mail: latov@mail.ru^{b)} <https://orcid.org/0000-0001-9315-2588>

Russian Pro-Natalist Policy and Its Hidden Dilemma

The demographic policy of the Russian government, which aims to 'preserve and increase the people', combines two qualitatively different approaches to understanding the problem of population decline. Most often, the emphasis is placed on stimulating fertility, although there is also an understanding that it is important to raise the quality of their upbringing and education.

While the focus on increasing human capital is economically justified, the desire to increase the birth rate has no such justification. The theory of demographic transition proves that stimulating the birth rate is an erroneous goal. The 'cash for babies' policy applied in Russia is based on the conviction that children, even those born in poor and dysfunctional families, inevitably 'pass' through the education system and become qualified workers. On the basis of this stereotype, the system of pro-natalist incentives is built in such a way that, in accordance with the law of diminishing marginal utility, it creates stronger incentives for poorer families and is therefore actually aimed at increasing the birth rate primarily in the poor strata, having little effect on middle-class families. Meanwhile, modern theories of social capital and labor market signals prove the limited ability of schools and universities to play the role of social elevators. International studies (in particular, in the USA) shows that state benefits for children of poor and disadvantaged families contribute to the reproduction of a culture of poverty. Therefore, when the Russian authorities provide assistance primarily to low-income and single-parent families with children, they create problems for the future.

The study proposes to replace the current policy based on the principle 'more babies but cheaper' with a policy aimed at middle-class families and based on the principle 'less is more'. Thus, an orientation towards stimulating population growth is replaced by an orientation towards fostering human capital.

Keywords: family households, state regulation, demographic policy, demographic transition, poverty, middle class, human capital

Acknowledgments

The article has been prepared based on the results of research carried out through the budget on state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation on the topic "Family households as economic entity".

For citation: Latov, Y. V. & Latova, N. V. (2021). Russian Pro-Natalist Policy and Its Hidden Dilemma. Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 18(3), 389-402. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.5>.

Еще в конце 2020 г. в российских СМИ начала обсуждаться информация Росстата, что за год коронакризиса численность постоянного населения страны сократилось на 510 тыс. — это максимальная ежегодная потеря в период после 2005 г. Официальной реакцией на тревожную информацию стало заявление Президента РФ в послании Федеральному Собранию в апреле 2021 г., что «сбережение народа России — наш высший национальный приоритет» и что «наша стратегия в том, чтобы вновь выйти на устойчивый рост численности населения»¹. Такой официальный лозунг актуализирует старую дискуссию о том, можно

ли динамику населения использовать для доказательства успехов или провалов постсоветской правительственной политики, а также, самое главное, какая демографическая политика объективно нужна современной России. В данной статье на основе ряда социально-экономических теоретических концептов (прежде всего, теорий человеческого капитала и демографического перехода) будет сначала дана критика реализуемой политики стимулирования роста рождаемости, а потом сформулирован альтернативный принцип стимулирования роста человеческого капитала.

Приумножение народа»: количество contra качество

Обвинения постсоветского строя в «вымирании» россиян наблюдаются на протяжении едва

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию (15 апреля 2021 г.) (URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>).

ли не всех 30-ти последних лет. Действительно, за постсоветский период население страны несколько сократилось: в 1992 г. россиян было 148,5 млн., а сейчас нас — 146,2 млн., т. е. примерно на 1,5 % меньше. Правительство еще в 2000-е проявило чувствительность к такой постановке вопроса и начало активно стимулировать рождаемость; наиболее известной мерой является выплата материнского капитала (с 2007 г.). Защитники результативности такой правительственной политики могут указать, что низшая точка падения численности россиян осталась в прошлом, когда в 2009 г. их было лишь 141,9 млн. Критики в ответ могут заявить, что еще в позапрошлом году (т. е. до коронакризиса) начался новый цикл снижения численности населения страны, так что приращение 2010–2018 гг. может оказаться потерянными. Если не учитывать сильное влияние притока мигрантов и рассматривать только естественное (за счет разницы между рождаемостью и смертностью граждан) изменение населения, то небольшой положительный естественный прирост наблюдался лишь в 2013–2015 гг., во все другие постсоветские годы смертность граждан превышала рождаемость.

Современное российское правительство не просто играет роль борца с депопуляцией, но презентует эту борьбу как важнейшее направление государственной политики. Например, в январе 2020 г. Президент России в ежегодном послании Федеральному Собранию заявил, что необходимо «не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета — сбережения и приумножения народа России»¹.

Если вспомнить некоторые моменты из «демографических» разделов выступлений Президента перед Федеральным Собранием в 2020 и 2021 гг., то нельзя не заметить, что в них сосуществуют два качественно разных подхода к пониманию задачи сбережения/приумножения народа России.

Действительно, В.В. Путин задачи демографической политики формулировал так: «Судьба России, ее историческая перспектива

зависят от того, сколько нас будет... зависит от того, сколько детей родится в российских семьях... какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни»². Здесь налицо две разные цели: первая — стимулирование количества рождающихся детей («сколько детей родится»), вторая — стимулирование качества («какими они вырастут»). Эти две цели не только не тождественны, но даже в существенной степени противоречат друг другу. В рамках основанного Г. Беккером экономического анализа семьи (Becker, 1981) давно отмечалось, что в развитых странах родители сознательно уменьшают количество детей, стремясь потратить большее количество сил и средств на каждого из них. Не будут ли попытки достичь этих двух целей одновременно стремлением гоняться за двумя зайцами, рискуя не поймать ни одного?

Согласно закону убывающей предельной полезности, на предложение стандартной денежной дотации за рождение ребенка активнее будут реагировать бедные семьи, поскольку для людей с низкими доходами полезность фиксированной дотации гораздо выше, чем для людей с высокими доходами. Действительно, в относительно бедном Северо-Кавказском ФО «эффект от введения материнского капитала оказался... более заметным, чем в России в целом» (Архангельский, 2019. С. 72). Кроме того, согласно известной всем социологам обратной зависимости между рождаемостью и модернизацией рождаемость и без всякого стимулирования выше именно в семьях с культурой бедности. Следовательно, акцент на стимулировании количества рождающихся детей предполагает преимущественный рост рождаемости в бедных и менее культурных семьях. Однако таким семьям будет затем трудно дать своим детям хорошее воспитание и образование. Кроме того, у родившихся в условиях культуры бедности часто наблюдается пониженный уровень здоровьесберегающего поведения. В результате дети из бедных семей с более высокой вероятностью, чем дети из семей среднего класса, вырастут не очень хорошими работниками и проработают недолго.

Напротив, стимулирование качества новых поколений требует обращать основное внимание на семьи среднего класса. В них

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию (15 апреля 2021 г.) (URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 15.04.2021).

детей обычно меньше, чем в бедных семьях, но они чаще всего лучше воспитаны и обучены (больше читают, реже имеют вредные привычки, чаще имеют лучший локус контроля, более дисциплинированы...). Имея лучший социальный и образовательный капитал (как разновидности человеческого капитала), они чаще становятся высококвалифицированными специалистами¹. Вследствие привычки к здоровьесберегающему поведению у них обычно выше и человеческий капитал здоровья (физиологический капитал), так что работать они будут, вероятнее всего, не только производительнее, но и дольше.

Итак, если нас заботит рост числа россиян, то государство должно помогать в первую очередь бедным, а если нас заботит человеческий капитал россиян и, как следствие, производительность будущих работников, то стимулировать к деторождению надо, наоборот, небедных. Поэтому либо «числом поболее, ценою подешевле», либо «лучше меньше, да лучше».

Депопуляция — признак деградации или высокого развития?

А теперь зададимся «детским» вопросом: зачем вообще России нужен прирост количества людей? По проблеме демографической безопасности есть много работ, и если в одних необходимость роста населения практически постулируется (см., например, Глушкова, Хорева, 2014), то в других она ставится под большое сомнение (Сидоренко, 2019).

Действительно ли депопуляция в России настолько велика, что грозит смертью россиянам как нации? Сделаем элементарный расчет: если каждый год население страны будет сокращаться, как в прошлый год коронакризиса (по 500 тыс. человек, т. е. нарастающими темпами), то к концу XXI века россиян будет не 146 млн, как сейчас, а примерно 110 млн (с учетом «растворения» среди россиян какого-то количества мигрантов)². Даже такой пессимистический вариант далек от смерти российской нации; и это — если забыть о перспективе «без

Россией, без Латвий, жить единым человеческим общежитием». Самое главное, за XXI век репродуктивное поведение людей может под влиянием НТР так радикально измениться (вплоть до кажущегося сейчас фантастическим «выращивания детей в пробирке»), что проблема физической ограниченности числа людей вообще потеряет актуальность.

Анализ отдачи факторов производства демонстрирует для постсоветских десятилетий положительную отдачу по труду, где трудовые затраты трактуются как количество занятых (Кирилюк, 2013. С. 305), но из этого отнюдь не следует делать выводы об экономической необходимости наращивать количество россиян. С одной стороны, трудоемкий тип экономического роста типичен для стран, отстающих от требований НТР, а с другой стороны, Россия привлекательна для трудовых мигрантов из многих соседних стран, от Украины до КНР, так что нехватка рабочей силы нам не грозит. Современные социально-экономические реалии таковы, что многие стоящие перед Россией проблемы при существующем типе экономики, существенно зависящей от экспорта сырьевых ресурсов, было бы легче решать именно при сокращающемся населении. Ведь тогда стабильные выгоды от эксплуатации ресурсов будут делиться между меньшим количеством людей.

Эти рассуждения подводят к выводу, что повышение численности населения России — ошибочная цель, сформулированная в значительной степени по популистским мотивам. Когда в 1990-х страна переживала тяжелый трансформационный кризис, то критики либеральной политики активно обвиняли оппонентов в преступной организации едва ли не национального геноцида. По логике политического противоборства от противников злокозненных либералов ожидалась мера, направленные на, как минимум, прекращение депопуляции. Однако эта логика политического противоборства привела в 2000-е к ошибочному пониманию демографической ситуации в России.

Долгосрочные демографические тренды описываются хорошо известной всем обществоведам моделью демографического перехода. Она впервые разработана американским социологом У. Томпсоном почти столетие назад (Thompson, 1929), ее активно развивал и пропагандировал недавно ушедший из жизни ведущий российский демограф А.Г. Вишневский (см., например, Демографическая модернизация..., 2006; Вишневский, 2017). Если отвлечься от второстепенных подробностей, речь идет

¹ Это проявляется, например, в том, что профессионалы, у которых оба родителя относились к руководителям, профессионалам, полупрофессионалам и офисным клеркам (т. е. имели высококачественный культурный капитал), заметно чаще занимают привлекательные (связанные обычно с более производительным трудом) рабочие места, чем профессионалы, у которых нет таких родителей (Тихонова, 2020. С. 79).

² Это почти точно соответствует недавнему прогнозу численности населения России американскими демографами — 106 млн в 2100 г. (Vollset S. E. et al., 2020. P. 1290).

о последовательном прохождении разными странами мира 4–5-ти фаз (рис. 1).

До так называемой медицинской революции (эпидемиологического перехода) — резкого снижения смертности, особенно детской, благодаря внедрению элементарных мер гигиены, вакцинации и профессионального акушерства — нормой (фаза 1) была многодетная семья, в которой выживало хорошо если 2–3 ребенка. Вспомним для иллюстрации начало «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве». После медицинской революции смертность резко падает, однако рождаемость в силу культурной инерции сохраняется на высоком уровне, в результате чего наблюдается демографический взрыв (фаза 2).

Далее культурная революция создает новый стандарт семейной жизни: женщины становятся активными участниками общественного труда, а не «чистыми» домохозяйками; дети рождаются не «сколько бог даст», а сколько сознательно запланировано; количество детей в семье ограничено как карьерными устремлениями родителей, так и желанием дать каждому ребенку хорошее воспитание и обучение, что связано с высокими затратами. Есть модель Барро–Беккера (Barro, Becker, 1989), согласно которой повышение заработной платы у женщин-работниц приводит к сокращению у них времени на рождение и воспитание детей. Создание систем социального обеспечения резко снижает и роль детей как «страховки» родителей в пожилом возрасте или при инвалидности. Поэтому нередко в современной семье — тот же единственный ребенок, как в описанной Пушкиным семье Гриневых, только у Петра Гринева все братья и сестры умерли, а в современной семье они и не рождались.

В результате завершения демографического взрыва (фаза 3) уровень рождаемости постепенно подравнивается под уровень смертности, что приводит к стабилизации темпов прироста населения на примерно нулевом уровне (фаза 4). Возможна даже временная небольшая депопуляция (как во Франции в первой половине XX в. или в Германии с 1990-х гг.), что само по себе может не восприниматься как социальная проблема (фаза 5, которую часто называют вторым демографическим переходом).

Развитые страны Запада завершили описанную траекторию в прошлом веке. В то же время большинство современных стран третьего мира еще не завершили фазы демографического взрыва, что создает острую не только для них, но и для развитых стран (куда лавино-

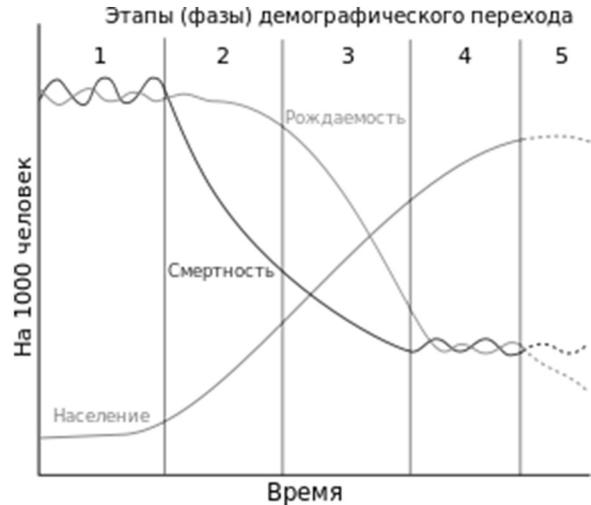

Рис. 1. Модель демографического перехода от низкого прироста населения в условиях высокой рождаемости и смертности к низкому или отрицательному приросту в условиях низкой рождаемости и смертности

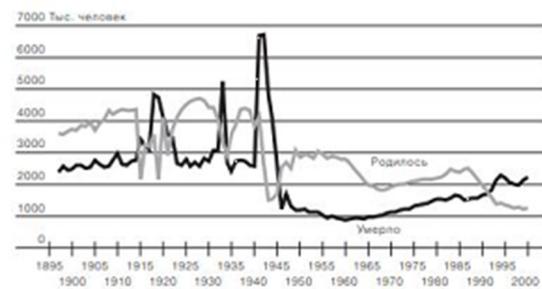

Рис. 2. Демографический переход России
Источник: (Демографическая модернизация..., 2006: С. 492).

образно стремятся мигранты из третьего мира) проблему перенаселения.

Таким образом, вопреки обвинениям постсоветских режимов в организации «вымирания россиян», тенденция к сокращению численности населения России на самом деле характеризует нашу страну как достаточно передовую, которая полностью (как и развитые страны Запада) завершила в XX веке весь цикл модели демографического перехода.

Российская специфика демографического перехода

Нельзя отрицать, что Россия осуществила демографический переход не вполне стандартно (рис. 2).

Две мировые войны и высокие человеческие издержки сталинской модернизации существенно сократили возможности роста населения страны в первой половине XX в. Большую роль сыграло и сближение (практически совпа-

Таблица 1

Дифференциация российских федеральных округов по социально-экономическим характеристикам

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
ВРП на душу населения, тыс. руб./чел., 2018 г.	747,5	645,7	355,6	184,5	423,1	1.032,5	484,4	634,2	578,7
Доля городского населения, %, 2019 г.	82,7	85,1	62,7	50,1	72,7	81,8	73,1	73,3	74,9
Естественный прирост, ‰, 2018 г.	-2,9	-2,1	-2,4	6,8	-2,6	0,1	-1,5	-0,1	-1,5

Источник: составлено по данным Росстата.

дение в 1920–1950-е гг.) медицинской и культурной революций. В результате российский демографический взрыв в более-менее классической форме занял лишь примерно 40 лет до конца 1980-х гг., протекал в приглушенной форме (фаза 2 почти выпала) и потому даже не воспринимался как именно «взрыв». Начало финальной (связанной с депопуляцией) фазы 5 практически совпало с распадом СССР, породив популярное до сих пор мнение, будто пришедшие к власти либеральные реформаторы немедленно начали осуществлять «вымирание России». На самом деле, скорее всего, «подравнивание» рождаемости под смертность произошло бы в России в любом случае (может быть, позже на несколько лет), поскольку их сближение шло со второй половины 1980-х гг.

Надо учитывать, что поскольку Россия велика и разнообразна, то разные ее регионы находятся на разных фазах демографического перехода. Действительно (табл. 1), в СКФО, который самый бедный и где ниже всего урбанизация, наблюдается весьма высокий естественный прирост (6–7 %, примерно как в слабо-модернизированной Албании). Напротив, самая высокая естественная убыль — в ЦФО, который в России второй по богатству и по урбанизации. Из правила обратной зависимости между модернизованностью региона и рождаемостью в нем есть некоторые исключения, но в целом оно вполне в России подтверждается.

Проблема «продвинутых» регионов постсоветской России в том, что разные характеристики их модернизации развиваются асинхронно. В частности, рождаемость вследствие культурной революции уже упала, но завершение демографического перехода сочетается с невысоким (в сравнении с развитыми странами Запада) уровнем жизни.

В постсоветский период «обязательное» (с точки зрения современной государственной политики) рождение хотя бы двух детей является нелегким испытанием для супругов, даже если они принадлежат к среднедоходным слоям. Действительно, в современной

России рождение и воспитание детей становится своего рода осью, вокруг которой долго и во многом вынужденно вращается вся жизнь семьи. Сначала молодые люди напряженно работают, чтобы получить возможность завести детей (для чего предварительно надо добиться, по крайней мере, более-менее просторной собственной жилплощади). Затем, после рождения детей, они «выбиваются из сил», чтобы обеспечить детям всё необходимое. По мере взросления детей родители считают своим долгом помогать им «правильно» пойти учиться, найти «хорошую» работу и создать свою благополучную семью. На «жизнь для себя» у супругов буквально не хватает времени и средств. Конечно, рождение и воспитание детей имеют самостоятельную и довольно высокую культурную ценность и для современных россиян¹. Однако по мере роста индивидуалистических ценностей — ценностей самовыражения и саморазвития² — этот фактор снижает влияние.

Снижение «спроса на детей» может происходить под влиянием роста не только индивидуализма, но и социальной ответственности. Молодые люди могут хотеть иметь детей, но откладывать деторождение, пока не «встали на ноги», правомерно опасаясь низких возможностей воспитать «хороших» детей из-за невысокого уровня жизни. Существенную роль играет и общий культурный кризис (не только национальный, но и глобальный) — отсутствие внятного понимания, ради каких высоких целей надо продолжать свой род.

В результате среди россиян (особенно из более «европеизированных» социальных групп — специалистов-горожан) в последние десятиле-

¹ Во время общероссийского репрезентативного социологического опроса, организованного Институтом социологии РАН в 2012 г., 20 % респондентов 15–30 лет, перечисляя 3 главные цели своей жизни, назвали среди них «иметь хороших детей».

² Речь идет о сдвиге по шкале от ценностей выживания к ценностям саморазвития, согласно модели международного проекта «Всемирного исследования ценностей» (Инглхарт, Вельцель, 2011).

тия получила широкое распространение подсознательная или вполне сознательная установка на жизнь *childfree* либо даже на отказ от создания традиционной семьи (см., например: Ширяева, Заостровцев, 2019). Одновременно широко распространено презрительное отношение к небогатым многодетным семьям, которые «плодят нищету».

С точки зрения обществоведения, если в бедных семьях сокращают рождаемость — это не проблема, а скорее решение проблемы воспроизводства бедности. Если состоятельные люди среднего класса сознательно отказываются от детей ради карьеры — это тоже не слишком острая проблема, поскольку происходит замещение одного вида социально-полезной деятельности другой, а до демографической катастрофы, как уже отмечалось, России очень далеко. Реальная острая проблема — когда молодые люди среднего класса в принципе хотят иметь 1–2–3 детей, но отказываются от деторождения по социально-экономическим соображениям. Она более чем значима для страны, поскольку дети именно из таких семей приоритетно становятся, став взрослыми, эффективными специалистами. Она значима и для обеспечения нормальных условий жизни представителям среднего класса, многие из которых без детей не чувствуют себя успешными людьми. Но эта проблема принципиально нерешаема мерами демографической политики, стимулирующей «просто» высокую рождаемость (а фактически — рождаемость, прежде всего, в небогатых семьях).

Ошибочные цели — из ошибочных теорий

Неверное понимание объективной цели демографической политики ведет к «подкладыванию мин» под будущее развитие страны. Как уже указывалось, денежные пособия для многодетных семей в современной России создают — в соответствии с законом снижающейся предельной полезности — более сильные стимулы к деторождению для бедных и менее культурных семей, чем для богатых и более культурных. В результате есть риск стимулированием рождаемости стимулировать одновременно рост через 15–20 лет бедности и этнокультурной гетерогенности.

Обсуждение этнических аспектов демографической политики сильно блокируется доведенными до абсурда идеями «политической корректности». Это мешает четко осознать, что хотя все люди равны, этнокультурные традиции не равны: одни помогают обществу прогрессивно развиваться, другие тормозят это

развитие. Для одних («городских») этнокультурных групп многодетность возможна только как результат долгосрочного планирования жизни семьи, для других («сельских») — как результат, наоборот, отсутствия такого планирования. Те, кто не планирует своей жизни, чаще всего живут беднее, чем те, кто ее планирует. Раздача таким бедным семьям пособий на детей, конечно, в определенной степени стимулирует развитие у них планирования — но планирования стабильной бедности.

Описанная тенденция хорошо видна на примере США, где относительно высокие социальные пособия на детей привели во второй половине XX в. к формированию в этнических гетто культуры застойной бедности. Бедные афро- и латино-американки нередко значительную часть жизни живут только на социальные пособия, рожая (чаще всего вне брака) одного ребенка за другим. В результате примерно 2/3 афроамериканских детей рождаются в неполных семьях, из которых почти 3/5 бедны (Акерлоф, Крэнтон, 2011. С. 79). Вероятность, что такие дети станут в будущем хорошими работниками, низка, даже если при помощи «позитивной дискриминации» они попадут в вуз. Зато растут предпосылки обострения расовых конфликтов.

В современной России тоже в силу культурно-исторических причин многодетные семьи гораздо чаще встречаются в СКФО и в ЮФО, чем в столицах. В какой степени увеличивает «кавказская» (или, тем более, «цыганская») многодетность ресурсы российской нации — вопрос. А вот межэтническая напряженность между малодетным русскокультурным местным населением и многодетными инокультурными приезжими, к сожалению, была и остается реальностью.

Важно обратить внимание на то, что ставка на одновременный рост рождаемости и улучшение воспитания/обучения основана на устаревшем понимании возможностей системы образования.

В 1950–1970-е, когда благодаря Т. Шульцу, Г. Беккеру и другим западным экономистам создавалась теория человеческого капитала (Becker, 1964; Schultz, 1971), то неявно предполагалось, что образование может «вызвать» выходца из любой семьи, даже из очень бедной и неблагополучной. Концепт человеческого капитала подсказывал, что раз производственные инвестиции позволяют строить заводы/дороги/города в любом месте (хотя и с разными издержками), то и инвестиции в человеческий капитал — прежде всего, в об-

разование — качественно увеличивают стартовые возможности выходцам из любых социальных слоев.

Но такое понимание роли образования свойственно лишь ранним, «наивным» концепциям человеческого капитала. Опыт как развивающихся (Истерли, 2006. С. 87–101), так и развитых стран (Gamoran, Long, 2007) быстро показал, что затраты на образование для бедных слоев и в отстающих странах сами по себе дают невысокий (или даже нулевой) эффект. Далеко не все те бедные, кому дают образование, демонстрируют желание и способности их усвоить. И далеко не все те выходцы из бедных слоев, кому удастся получить хорошее образование, находят на рынке труда возможность применить свои знания и навыки.

Под влиянием разочарования в «панацеи» инвестиций в человеческий капитал еще в 1970-е годы первоначальный концепт был существенно переосмыслен. Одним направлением переосмысления стали теории социального капитала (в интерпретации, например, Дж. Коулмана (Coleman, 1988), подчеркивающие важную роль не только личных качеств самого человека-работника, но и его социального окружения. Другим направлением была предложенная М. Спенсом теория сигналов на рынке труда (Spence, 1973), согласно которой образование не столько создает новые качества, сколько выявляет те качества (способность к обучению), которые формировались у учащегося за рамками образовательной системы.

Оба направления переосмысления «наивного» концепта человеческого капитала заставляют современных экономистов и социологов признать, что наиболее важные качества человека-работника создаются в первую очередь в семье. Школа и вуз роль социальных лифтов выполнять, конечно, способны, но в гораздо меньшей степени, чем ожидалось. В частности, исследования отечественных социологов показывают, что среди родителей детей в «сильных» школах до 80 % имеют высшее образование, в то время как среди родителей детей из «слабых» школ таковых менее 30 % (Константиновский, 2020. С. 127). Это значит, что школы делятся на «сильные» и «слабые» не столько по качеству преподавания, сколько по социальному происхождению школьников. Надежды на «подтягивающую» роль вузов тоже сомнительны. В российских условиях 1990–2000-х гг. стремление едва ли не всех выпускников школ получить вузовский диплом привело скорее к девальвации этих дипломов, чем

к росту квалификации молодых работников (Разумова, Кириченко, 2012).

Поэтому стимулирование рождаемости в главным образом бедных — сильнее реагирующих на стандартные пособия за деторождение — семьях будет увеличивать в будущем долю работников с низкими качествами. Для выходцев из таких семей можно даже создавать, как в США, «позитивную дискриминацию» при поступлении в вузы и на работу, но такие методы приводят к умножению студентов-«троечников» и малоквалифицированных работников. Конечно, многие молодые люди из бедных семей благодаря лучшему доступу к образованию действительно смогут «оттолкнуться от дна», порвать с культурой бедности и перейти в средние или даже высшие слои. Но нельзя ждать от школ и вузов превращения этой локальной нормы во всеобщую.

Из «не очень» правильно сформулированной цели демографической политики вытекают «не очень» правильные ее методы.

Из ошибочных целей — ошибочные методы

В современной России стимулирование рождаемости осуществляется как на общероссийском уровне (в рамках, прежде всего, национального проекта «Демография» на 2019–2024 гг.), так и на региональном уровне (различные программы, социальные кодексы и регламенты поддержки семей с детьми, принятые в отдельных субъектах Российской Федерации). Общероссийское стимулирование осуществляется в первую очередь через материнский капитал; региональные меры стимулирования варьируются в широком диапазоне от компенсации семьям с детьми расходов на посещение музеев до бесплатного предоставления им машин и квартир. Посмотрим, для каких социальных групп эти меры будут более действенными.

В 2020 г. материнский капитал при рождении первого ребенка составлял 466,6 тыс., последующих детей — 616,6 тыс. руб., причем использовать его можно главным образом на улучшение жилищных условий и на образование детей. Роль элементарного теста на способность родителей заботиться о ребенке выполняет правило, согласно которому эти средства можно использовать не сразу, а лишь после достижения ребенком трехлетнего возраста; родители, таким образом, материально заинтересованы в минимизации детской смертности.

Однако для каких родителей суммы порядка 500–600 тыс., которые можно потратить

главным образом на жилье, имеют существенное значение?

Цена квадратного метра жилья в среднем в России составляла в конце 2019 г. около 45 тыс. руб., варьируясь от примерно 200 тыс. в богатой Москве до 30–35 тыс. в бедных регионах типа Челябинской области или Алтайского края¹. Материнский капитал, выделяемый согласно общероссийским правилам, не дифференцирован по регионам. Это значит, что за счет материнского капитала рождаемость заведомо сильнее стимулируется в «бедных» регионах, чем в «богатых».

В Москве стимулирование семьи дает, как легко рассчитать, возможность купить дополнительно 2,5 квадратных метра жилплощади через 3 года после рождения первого ребенка и еще 3 метра через 3 года после рождения второго ребенка. Такой эффект значим лишь для очень-очень бедных родителей: грубо говоря, за рождение ребенка московских родителей «награждают» жилплощадью, несколько большей пространства для детской кровати. Зато в «бедных» регионах по программе материнского капитала можно получить гораздо больше — 10–15 квадратных метров жилья за первого ребенка и чуть более 20 за второго. Такое стимулирование может влиять и на живущих в таких регионах представителей среднего класса.

В любом случае получается, что выплаты материнского капитала стимулируют преимущественный рост рождаемости в тех субъектах РФ, которые труднее развиваются — где ниже доходы и дешевле жилплощадь из-за избытка предложения труда над спросом. Стимулирование рождаемости в таких регионах может привести к тому, что примерно через 15–20 лет этот избыток сохранится или даже усилится.

Еще «лучше» организовано стимулирование рождаемости при помощи региональных мер (за счет бюджетов субъектов РФ).

Исследователями различий региональной политики поддержки семей с детьми (Капогузов, Чупин, Харламова, 2020) ранее было выделено 12 вариантов применяемых в регионах мер:

- 1) пособие по беременности и родам;
- 2) единовременные выплаты в связи с рождением или усыновлением (удочерением) ребенка;

3) ежемесячные выплаты и пособия на ребенка (в том числе, выплаты по уходу за детьми);

4) специальные ежемесячные выплаты на содержание ребенка-инвалида и детей-сирот;

5) компенсация расходов на медицинскую помощь, санаторно-курортное лечение, приобретение лекарств и специальное (в том числе, горячее) питание;

6) компенсация расходов на приобретение школьной формы, покупку канцелярских принадлежностей;

7) компенсация расходов на проезд, обучение в ДОУ, посещение музеев и иных учреждений культуры;

8) компенсация расходов на ЖКХ, возмещение расходов на газификацию и капитальный ремонт;

9) предоставление автотранспорта и сельскохозяйственной техники, социальный контракт;

10) предоставление жилого помещения или субсидии на улучшение жилищных условий;

11) региональный материнский капитал;

12) предоставление земельного участка.

В таблице 2 показано по состоянию на 2020 г. количество субъектов РФ по всем 8-ми федеральным округам, в которых реализуются какие-либо из перечисленных 12-ти мер поддержки семей с детьми в зависимости от статуса благополучателя. Как видим, в российских регионах существуют, с точки зрения дифференциации по объектам поддержки, три набора методов семейной политики. Их легко проранжировать по частоте применения и по степени их нацеленности на поддержку нуждающихся.

А. Вознаграждение семей за рождение первого ребенка, если семья является малоимущей и неполной. Это — откровенное стимулирование такого репродуктивного поведения, которое не является социально ответственным. Получается, что региональные власти поощряют тех молодых женщин, кто рождает вне брака, не имея при этом доходной работы. Аналогичной мерой было бы стимулирование импортозамещения при помощи частичного возмещения штрафов начинающим автомобилистам, если они нарушили ПДД на российской автомарке.

Б. Вознаграждение семей за рождение второго ребенка, если семья является малоимущей. Такой метод лучше предыдущего, поскольку, по крайней мере, не поощряется внебрачная

¹ Коннова Е. В. «Авито» назвали среднюю стоимость жилья по регионам России // РБК. 21 января 2020 г. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5e26a6c19a79475b313c8b8f> (дата обращения: 18.03.2021).

Распределение российских федеральных округов по использованию на региональном уровне мер поддержки семей с детьми, 2020 г.

Мера	ЦФО (18)	СЗФО (11)	ЮФО (8)	СКФО (7)	ПФО (14)	УФО (6)	СФО (10)	ДФО (11)	Итого (85)
<i>А. При рождении первого ребенка (для малообеспеченных и неполных семей)</i>									
A.1	3	1	2	1	4	1	1	3	16
A.2	4	3	2	2	4	3	2	2	22
A.3	7	9	3	2	8	4	2	4	39
A.4	3	1	2	2	3	3	1	2	17
A.5	3	5	1	1	3	0	0	0	13
A.6	0	1	1	0	2	1	0	0	5
A.7	2	0	0	1	2	1	1	0	7
A.8	1	1	0	1	2	1	0	1	7
A.9	1	2	0	0	0	0	0	2	5
A.10	3	3	1	2	3	1	2	4	19
A.11	0	0	0	1	0	0	0	0	1
A.12	3	0	0	0	0	1	1	4	9
Кол-во мер в среднем на субъект РФ	1,7	2,4	1,5	1,9	2,3	2,7	1,0	2,0	1,9
<i>Б. При рождении второго ребенка (для малообеспеченных и многодетных семей)</i>									
Б.1	3	1	2	1	4	1	1	4	17
Б.2	9	5	2	2	5	5	2	3	33
Б.3	10	6	2	4	7	6	2	4	41
Б.4	3	2	2	2	3	3	1	3	19
Б.5	4	5	1	1	3	0	0	0	14
Б.6	0	1	1	0	2	1	0	1	6
Б.7	2	0	0	1	2	2	1	0	8
Б.8	1	1	0	1	2	2	0	1	8
Б.9	1	2	0	0	0	0	0	2	5
Б.10	3	4	1	2	3	1	2	4	20
Б.11	0	0	0	1	0	0	0	3	4
Б.12	6	1	0	0	1	2	1	4	15
Кол-во мер в среднем на субъект РФ	2,2	2,5	1,4	2,1	2,3	3,8	1,0	2,6	2,2
<i>В. При рождении третьего и последующего ребенка (для многодетных семей)</i>									
В.1	3	1	2	1	4	1	3	4	19
В.2	9	7	2	3	5	5	3	3	37
В.3	11	6	3	4	8	6	2	4	44
В.4	3	2	2	2	3	3	1	3	19
В.5	8	7	2	3	4	2	1	0	27
В.6	5	6	2	0	2	2	0	1	18
В.7	7	5	3	3	3	2	1	0	24
В.8	8	5	2	5	3	2	1	1	27
В.9	4	3	1	2	0	0	0	2	12
В.10	6	6	1	2	4	1	3	5	28

Окончание табл. на след. стр.

Окончание табл. 2

Мера	ЦФО (18)	СЗФО (11)	ЮФО (8)	СКФО (7)	ПФО (14)	УФО (6)	СФО (10)	ДФО (11)	Итого (85)
В.11	3	5	1	3	1	0	2	4	19
В.12	14	6	2	1	7	3	4	6	43
Кол-во мер в среднем на субъект РФ	4,5	5,4	2,9	4,1	3,1	4,5	2,1	3,0	3,7

Источник: составлено по (Капогузов, Чупин, Харламова, 2020). В таблице выделены заливкой ячейки, соответствующие ТОП-3 регионов с самым частым проведением определенных мер поддержки. Под названиями федеральных округов в скобках указано общее количество субъектов в каждом из них.

рождаемость. Но и здесь стимулируется взгляд на детей и доходную работу как на блага взаимозаменяемые, а не взаимодополняемые.

В. Поддержка многодетных (не менее трех детей) семей. Только эта группа мер не требует от родителей, чтобы они обязательно были бедными. Конечно, закон убывающей предельной полезности заставляет и на этот метод активнее реагировать менее состоятельные семьи, но он, по крайней мере, не отсекает средний класс от получения поддержки.

Здравый смысл (ориентация на стимулирование «хороших» семей) заметен в том, что региональные власти методы Б применяют несколько чаще (в среднем — по 2,2 способа стимулирования на каждый субъект РФ), чем А (по 1,9), а В (по 3,7) — гораздо чаще, чем Б. Кроме того, в том федеральном округе, где многодетность наиболее тесно связана с сохранением семейной архаики, понятие многодетности законодательно скорректировано: во всех других федеральных округах многодетными считаются семьи, где не менее трех детей, а в субъектах СКФО — не менее четырех. Отчасти это, конечно, связано, с банальной бедностью северокавказских субъектов Федерации, которым не под силу помогать более многочисленному кругу семей. Однако, видимо, играет роль и понимание того, что в бедном регионе, сопоставимом с не самыми развитыми странами третьего мира, вряд ли надо поощрять замену повышения образования и поиска хорошей работы рождением детей. Зато чаще всего меры стимулирования применяют в СЗФО и в УФО — регионах высоко урбанизированных и зажиточных.

Иной путь демографической политики

Итак, демографическая политика, понимаемая как главным образом стимулирование роста «любой» деторождаемости, объективно является для современной России ошибочным путем национального развития. Этого роста, как показывает опыт 2000–2010-х гг., трудно

добиться, а если и удастся, то ожидаемые в будущем последствия такой «удачи» будут, мягко говоря, неоднозначными. Изложенная позиция соответствует популярному в научной литературе мнению, что «попытки повернуть вспять демографический переход, в том числе стимулируя рождаемость, сегодня представляются бесперспективными» (Сидоренко, 2019. С. 19).

Попробуем в заключение тезисно сформулировать иной путь — путь реализации лозунга «лучше меньше, да лучше».

Истинная (объективная) цель российской демографической политики — это повышение относительной численности (доли в населении страны) средних/высших слоев и их человеческого капитала. Речь идет о замене количественного подхода преимущественно качественным подходом. Целью такого подхода будет не предотвращение депопуляции, а стимулирование роста высококачественного человеческого капитала. Что же касается сдерживания общего падения рождаемости в России (и тем более ее роста), то такую цель надо рассматривать в современных условиях как лишь второстепенную, факультативную. Она может дополнять главную, но ни в коем случае не заменять ее.

Для переориентации демографической политики от стимулирования естественного прироста населения к стимулированию роста национального человеческого капитала необходимо создавать разные стимулы к деторождению для разных социальных групп. Они должны быть более высокими для «хороших» и более низкими (возможно, нулевыми) для «плохих» семей. Как в советский период поощрялись трудовые династии военных, шахтеров, сталеваров и т. д., так в постсоветской России должны морально и материально стимулироваться династии ученых, инженеров, учителей, «айтишников» и т. д. А вот «династии» малоквалифицированных работников стимулировать категорически не надо. Конечно, здесь

не может быть и речи о каком-либо подобии пожизненной сегрегации, поскольку «плохая» семья может благодаря собственным усилиям с течением времени стать «хорошей», и наоборот.

Вопрос о выборе поощряемых к деторождению социальных групп сводится в конечном счете к ответу на вопрос, у представителей каких групп наиболее высок человеческий и социальный капитал, который в процессе внутрисемейной социализации может быть передан от родителей к детям. Для этого надо

решить, какие социальные группы в современной России наиболее модернизированы и на основе каких именно формальных признаков можно практически опознавать принадлежность к этим группам. Это — предмет отдельного анализа (Латов, 2021). В самом первом приближении можно говорить о среднем классе, более точно — о социальной группе профессионалов, высококвалифицированных работников преимущественно умственного труда с высшим образованием, являющихся прото-классом «постиндустриалов».

Список источников

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2011.
- Архангельский В. Н. Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 57–74.
- Вишневский А. Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 3–21.
- Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Финансы: теория и практика. 2014. № 3. С. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25>.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с. URL: https://www.hse.ru/data/307/183/1235/modernizacija_vishnevski.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Истерли У. В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 342 с.
- Капогузов Е. А., Чупин Р. И., Харламова М. С. Нарративы семейной политики в России: фокус на регионы // Journal of Economic Regulation. 2020. Т. 11. № 3. С. 6–20.
- Кирилюк И. Л. Модели производственных функций для российской экономики // Компьютерные исследования и моделирование. 2013. Т. 5. № 2. С. 293–312.
- Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491>.
- Латов Ю. В. Рост человеческого капитала contra рост рождаемости // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 82–99. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.082-099.
- Разумова Т. О., Кириченко Э. В. Модификация теории образовательных сигналов на рынке труда выпускников вузов России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 1. С. 97–103.
- Сидоренко А. Демографический переход и «демографическая безопасность» в постсоветских странах // Население и экономика. 2019. Т. 3. № 3. С. 1–22.
- Тихонова Н. Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 71–83. DOI: 10.31857/S0132162500103003.
- Ширяева Я. Д., Заостровцев А. П. «Чайлдфри»: рациональный выбор или поведенческая миопия? // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 99–119.
- Barro R. J., Becker G. S. Fertility choice in a model of economic growth // *Econometrica*. 1989. Vol. 57. № 2. P. 481–501.
- Becker G. Human capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York: National Bureau of Economic Research, 1964. 187 p.
- Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 424 p.
- Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
- Gamoran A., Long D. A. Equality of Educational Opportunity: A 40-Year Retrospective // WCER Working Paper. 2006. No. 2006–9.
- Schultz T. Investment in human capital: The role of Education and Research. N.Y.; L.: The Free Press, 1971. 272 p.
- Spence M. Job market signalling // *Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. № 3. P. 355–374.
- Thompson W. S. Population // *The American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34. № 6. P. 959–975.
- Vollset S. E. et al. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 2020. Vol. 396. P. 1285–1306.

References

- Akerlof, G. & Kranton, R. (2011). *Ekonomika identichnosti. Kak nashi idealy i sotsial'nyye normy opredelyayut, kem my rabotayem, skol'ko zarabatyvayem i naskol'ko neschastny* [Identity Economics: How our identities shape our work, wages, and well-being]. Moscow, Russia: Career Press, 2011. (In Russ.)
- Archangelskiy, V. N. (2019). Dinamika rozhdayemosti na Severnom Kavkaze: igrayet li rol' materinskiy kapital? [Fertility dynamics in the North Caucasus: do maternity subsidies make a difference]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 17(1), 57–74. (In Russ.)
- Vishnevsky, A. G. (2017). Nereshennyye voprosy teorii demograficheskoy revolyutsii [Unsolved problems in the Theory of Demographic Revolution]. *Naseleniye i ekonomika* [Population and Economics], 1(1), 3–21. (In Russ.)
- Glushkova, V. G. & Khoreva, O. B. (2014) Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i yeye regionov: problemy i puti ikh resheniya [The demographic security of Russia and its regions: problems and solutions]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: theory and practice], 3, 14–25. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25>. (In Russ.)
- Vishnevsky, A. G. (Eds.) (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization in Russia, 1900–2000]. Moscow, Russia: Novoe izdatel'stvo, 608. Retrieved from: https://www.hse.ru/data/307/183/1235/modernizaciya_vishnevski.pdf (Date of access: 18.03.2021). (In Russ.)
- Inglehart, R. & Welzel, Ch. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Russia: New Publishing House, 464. (In Russ.)
- Easterly, W. (2006). *V poiskakh rosta: Priklyucheniya i zloklyucheniya ekonomistov v tropikakh* [The elusive quest for growth]. Moscow, Russia: Institute for Comprehensive Strategic Studies, 342. (In Russ.)
- Kapoguzov, E. A., Chupin, R. I. & Kharlamova, M. S. (2020). Narrativy semeynoy politiki v Rossii: fokus na regiony [Family policy narratives in Russia: focus on regions]. *Journal of Economic Regulation*, 11(3), 6–20. (In Russ.)
- Kirilyuk, I. L. (2013). Modeli proizvodstvennykh funktsiy dlya rossiyskoy ekonomiki [Models of production functions for the Russian economy]. *Komp'yuternyye issledovaniya i modelirovanie* [Computer Research and Modeling], 5(2), 293–312. (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D. L. (2020). Preodoleniye bar'yerov v obrazovanii: issledovaniya i sotsial'naya praktika [Overcoming Barriers in Education: Research and Social Practice]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 8(3), 125–133. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491>. (In Russ.)
- Latov, Yu. V. (2021). Rost chelovecheskogo kapitala sontra rost rozhdayemosti [Human capital growth contra birth rate growth]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 13(2), 82–99. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.082-099. (In Russ.)
- Razumova, T. O. & Kirichenko, E. V. (2012). Modifikatsiya teorii obrazovatel'nykh signalov na rynke truda vypusknikov vuzov Rossii [Modification of educational signaling theory on graduates' labor market in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Proceeding of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 1, 97–103. (In Russ.)
- Sidorenko, A. (2019). Demograficheskiy perekhod i «demograficheskaya bezopasnost'» v postsovetskikh stranakh [Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries]. *Naseleniye i ekonomika* [Population and economics], 3(3), 1–22. (In Russ.)
- Tikhonova, N. E. (2020). Rossiyskiye professionaly: spetsifika rabochikh mest i chelovecheskogo potentsiala [Russian professionals: specifics of jobs and of human potential]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 10, 71–83. DOI: 10.31857/S0132162500103003. (In Russ.)
- Shiriaeva, Ya. D. & Zaostrovtshev, A. P. (2019). «Chayldfri»: ratsional'nyy vybor ili povedencheskaya miopiya? [“Childfree”: Rational Choice or Behavioral Myopia?]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 11, 99–119. (In Russ.)
- Barro, R. J. & Becker, G. S. (1989). Fertility choice in a model of economic growth. *Econometrica*, 57(2), 481–501.
- Becker, G. (1964). *Human capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: National Bureau of Economic Research, 187.
- Becker, G. S. (1991). *A Treatise on the Family*. Cambridge: Harvard University Press, 424.
- Coleman, J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Gamoran, A. & Long, D. A. (2006). Equality of Educational Opportunity: A 40-Year Retrospective. *WCER Working Paper*, 2006–9.
- Schultz, T. (1971). *Investment in human capital: The role of Education and Research*. N.Y.; L.: The Free Press, 272.
- Spence, M. (1973). Job market signaling. *Quarterly Journal of Economics*, 87(3), 355–374.
- Thompson, W. S. (1929). Population. *The American Journal of Sociology*, 34(6), 959–975.
- Vollset, S. E. et al. (2020). Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 396, 1285–1306.

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Академия управления МВД России; <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192> (Российская Федерация, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8; e-mail: latov@mail.ru).

Латова Наталия Валерьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9315-2588> (Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корпус 5; e-mail: myshona@rambler.ru).

About the Authors

Yuriy V. Latov — Doctor of Sociological Sciences, PhD in Economics, Chief Researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-7566-4192> (8, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh St., Moscow, 125171, Russian Federation; e-mail: latov@mail.ru).

Natalia V. Latova — PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Scientific Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-9315-2588> (24/35 building 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: myshona@rambler.ru).

Дата поступления рукописи: 18.05.2021.

Прошла рецензирование: 06.06.2021.

Принято решение о публикации: 15.07.2021.

Received: 18 May 2021.

Reviewed: 6 Jun 2021.

Accepted: 15 Jul 2021.